

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ XIV.

ВЫПУСКИ II — III.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

Боги языческой Грузии по древне-грузинскимъ источникамъ.

I.

Настоящая работа ¹⁾ посвящена прежде всего тремъ божествамъ, собственно объясненію названій трехъ божествъ—Га, Гали и Итруждапъ, встречающихся въ древне-грузинскихъ источникахъ. Двое изъ нихъ признаны коренными обитателями грузинскаго Олимпа, и при скудости нашихъ свѣдѣній о грузинскомъ пантеонѣ это придаетъ особый интересъ вопросу объ ихъ происхожденіи. Объ этихъ божествахъ находимъ свѣдѣнія въ *Житіи св. Нины*, въ *Обращеніи Грузии* и въ двухъ редакціяхъ *Грузинскихъ мѣтописей*, древней, сохранившейся въ армянскомъ переводѣ XII вѣка, и позднѣйшей, потерявшей въ свою очередь кое-какія, иногда существенныя измѣненія съ придачею вставокъ въ XVIII вѣкѣ отъ руки издавашаго ихъ грузинскаго царя Вахтанга. Взаимныя отношенія этихъ памятниковъ довольно сложны и пока не распутаны во многихъ частностяхъ. Въ сферѣ интересовъ настоящей работы достаточно сказать, что источникъ *Обращенія Грузии* и *Грузинскихъ мѣтописей* въ отношеніи вопроса о трехъ подразумеваемыхъ божествахъ—грузинскій текстъ *Житія св. Нины*, а послѣдній памятникъ въ древнѣйшей дошедшей до насъ грузинской редакціи по списку X-го вѣка составленъ не раньше VIII-го вѣка, вѣроятно въ предѣлахъ VIII—IX вѣковъ, быть можетъ нѣсколько и позже. Это обстоятельство выяснено И. Джаваховымъ въ статьѣ *Проповѣдническая дѣятельность св. Нины и апостола Андрея* (Ж. М. Н. Пр., 1901, № 1, стр. 77—101).

---

1) Читана въ формѣ предварительнаго сообщенія въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества 27 апрѣля 1900 г.

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XIV.

Для нашего вопроса этот фактъ чрезвычайно важенъ. Если касательно однородныхъ памятниковъ значительно болѣе древней эпохи Renan принужденъ былъ констатировать (*Mémoire sur Sanchoniathon*, Acad. des inscriptions, XXIII, 2-e partie), что въ нихъ объ язычествѣ, почти современномъ ихъ авторамъ, дается самое превратное представленіе, то вполнѣ естественно не находить реального изображенія дохристіанскаго культа Грузіи и въ упомянутомъ историческомъ сочиненіи: сочиненіе это явилось нѣсколькими столѣтіями позже описываемой въ немъ эпохи, когда, судя по всему, писанными источниками не располагали, а устные преданія были скудны.

Больше чѣмъ скудостью свѣдѣній превратное изображеніе язычества обуславливалось предвзятыми мыслями христіанскихъ писателей о происхожденіи вообще язычества, гдѣ бы и какое оно ни было. Одно изъ самыхъ распространенныхъ заблужденій этого характера состояло въ томъ, что языческіе боги производились отъ древнихъ царей: когда-то, предполагалось, цари сами воздвигли себѣ статуи, или имъ поставили другіе, и люди стали поклоняться этимъ идоламъ, какъ богамъ. Въ извѣстномъ сирійскомъ отрывкѣ мнимаго Мелитона (II в., см. Renan, *и. с.*, стр. 323 — 325) такое происхожденіе дается ряду боговъ, какъ то Зевсу, Нани, Набо и другимъ.

Этотъ взглядъ на язычество господствовалъ и въ армянской литературѣ, гдѣ онъ получилъ еще дальнѣйшее развитіе: именно если боги являлись древними царями, то, значить, преданія о мѣстныхъ богахъ могутъ быть использованы, какъ историческіе матеріалы, имѣя ихъ могутъ быть внесены въ списки древнихъ династій, не оставившихъ о себѣ никакой памяти. Хоренскій или авторъ его основного источника, повидимому, не разъ исходилъ изъ этой точки зрѣнія, составляя древнюю исторію своего народа. Эта же точка зрѣнія была усвоена и авторами грузинскихъ историческихъ сочиненій.

Рядомъ съ этимъ въ основномъ источникѣ нашего вопроса — *Житіи св. Нины* — царитъ ярко непріязненное отношеніе къ язычеству, хотя и родному. *Житіе св. Нины* прежде всего книга поученія: она поучаетъ, какъ высоко происхожденіе грузинской христіанской церкви, и попутно обличаетъ богопротивное грузинское язычество. Но чтѣ обличать, если не будетъ установлено, что грузины въ древности неразумно поклонялись одновременно огню, камнямъ, деревьямъ (*Житіе св. Нины*, стр., 19, 8, см. также 22, 7—8), что у нихъ было многобожіе въ видѣ грубыхъ божковъ, сдѣланныхъ изъ металловъ? Точно ли это такъ было въ дѣйствительности, это для благочестиваго автора было безразлично.

Бросать камень въ древне-грузинскихъ писателей мы, конечно, не будемъ. Напротивъ, по этому вопросу ограничимся ссылкою на замѣчаніе Usener'a, что тоже самое отношеніе къ язычеству повторяется кое-гдѣ и въ наши дни¹⁾.

II.

Въ древне-грузинскихъ памятникахъ, отчасти и въ *Житіи св. Нины*, встрѣчаемся и съ другими богами, помимо интересующихъ насъ сейчасъ. Съ ними также приходится познакомиться, чтобы во-очію убѣдиться, съ какимъ матеріаломъ мы имѣемъ дѣло, когда обсуждаемъ названія грузинскихъ боговъ по грузинскимъ источникамъ.

Сиротливо стоитъ въ грузинскомъ пантеонѣ греческая богиня Афродита. По древней редакціи *Грузинскихъ лѣтописей* (*ჟინის ქრონიკა*, стр. 38) идола Афродиты привезла гречанка Сефелія, дочь Логовета, жена грузинскаго царя Виро. Хотя этотъ грузинскій царь долженъ царствовать по грузинской хронологіи на рубежѣ второго и третьяго вѣковъ, я не удивился бы, если бы дальнѣйшія изысканія выяснили, что лѣтописецъ при нареченіи отца гречанки Логоветомъ воспользовался знакомымъ ему прозвищемъ какого-либо византійца, хотя бы и историка Логовета (X-го вѣка).

Во всякомъ случаѣ ни въ *Житіи св. Нины*, ни въ *Обращеніи Грузіи* нѣтъ ни слова объ Афродитѣ и о привезшей ее гречанкѣ. Но *Грузинскія лѣтописи* идола греческой богини не забываютъ: царь Михранъ или Мирианъ, по *Грузинскимъ лѣтописямъ*, возлюбилъ грузинъ, говорилъ на ихъ языкѣ и поклонялся ихъ семи²⁾ идоламъ близъ жертвенника огня. Однако по *Житію св. Нины* въ Грузіи было всего четыре идола (Армазъ, Заденъ, Гати, Га), по *Обращенію Грузіи* — шесть (Гати, Га, Армазъ, Заденъ, Айпина, Данина).

Только по *Грузинскимъ лѣтописямъ* можемъ мы насчитать семь идоловъ, включивъ въ число ихъ Афродиту.

Въ этомъ числѣ, пожалуй, будетъ усмотрѣно доказательство того, что по существу *Грузинскія лѣтописи* составлены съ бѣльшимъ знаніемъ древне-грузинскихъ вѣрованій, чѣмъ другіе грузинскіе же историческіе памятники, хотя и дошедшіе до насъ въ болѣе древнихъ спискахъ. Наиболѣе древнею

---

1) «Unsere theologen pflegen noch immer das classische heidenthum in den schwärzesten farben der alten apologetik zu malen» (*Das Weihnachtsfest, Religionsgeschichtliche Untersuchungen*, Bonn 1889, I).

2) Изд. Brosset, стр. 61. Въ армянскомъ переводѣ (*ჟინის ქრონიკა*, стр. 41) стоитъ буква *է*, имѣющая цифровое значеніе *пяти*; но *է*, какъ отмѣчаетъ и издатель, есть описка вм. весьма похожей на нее буквы *ե*, выражающей *семь*.

религією въ Грузіи, и по грузинскимъ источникамъ, представляется поклоненіе свѣтиламъ, и въ семи идолахъ *Грузинскихъ лѣтописей* соблазнительно было бы признавать нѣсколько затемненное повыми именами отраженіе древне-грузинскаго культа — поклоненія семи свѣтиламъ.

Такое толкованіе однако не оправдывается чисто схоластическими приѣмами автора древнѣйшей части *Грузинскихъ лѣтописей*: онъ ревниво слѣдуетъ книжнымъ даннымъ и шаблонамъ и весьма слабо народнымъ преданіямъ. Если число семь въ данномъ вопросѣ признать не случайнымъ и требующимъ объясненія, то прежде всего нужно сопоставить его съ однороднымъ явленіемъ въ армянскихъ произведеніяхъ, хорошо извѣстныхъ грузинскому лѣтописцу. По *Исторіи Арменіи* Хоренскаго, у языческихъ армянъ было семь богомолій (Арташатъ, Тѳорданъ, Ани, Ерезъ, Тілъ, Багайариджъ, Аштишатъ). Эти семь святыхъ были населены рядомъ боговъ, равнымъ образомъ съ цестрыми по происхожденію названіями. Въ числѣ ихъ названа и Афродита, которую, по Хоренскому (II, 12), Арташесъ I вывезъ изъ Эллады вмѣстѣ съ другими греческими богами. Грузинскій лѣтописецъ ограничился сообщеніемъ о вывозѣ одной греческой богини, чтобы не нарушить канонической седмицы святыхъ.

III.

Въ древне-грузинскихъ намятникахъ, отчасти и въ *Житіи св. Нины* называются въ числѣ грузинскихъ боговъ и иранскіе. Признаніе ихъ персидскаго происхожденія не представляетъ никакого затрудненія. Сами грузинскіе источники намекаютъ на это.

Выдающуюся роль играетъ въ грузинскомъ пантеонѣ изъ иранскихъ боговъ Армазъ, арм. Арамаздъ, перс. Ормуздъ или, точнѣе, Ahura-Mazda.

По *Исторіи обращенія Грузіи*, первому грузинскому царю Азо наследовалъ Фарнавазъ: «онъ воздвигъ [въ окрестностяхъ позднѣе возникшей Мухеты] на возвышеніи (საზაზაზა ჴ ს букв. на носу) большого идола и назвалъ его Армазомъ; затѣмъ провелъ стѣну со стороны рѣки, и (это мѣсто) называется Армазъ» или, какъ читается въ другихъ мѣстахъ, «Армазъ» (საზაზაზა).

Постановка «кумира» Армаза-Ормузда на горѣ Армазѣ свидѣтельствуешь объ эрѣ новой религіи въ Грузіи, религіи персидскаго происхожденія. Гора Армазъ, дѣйствительно, могла получить названіе отъ имени этого бога; но особой необходимости въ этомъ нѣтъ, такъ какъ для этого географическаго названія можно выставить и иную этимологію на грузинской почвѣ. Во всякомъ случаѣ гору Армазъ называютъ уже Страбонъ

(*Ἀρμαζίκη*), Плиний (*Harmastis*) и Птолемей (*Ἀρμακτίκα*), какъ давно указали Klarproth (*Reise in den Kaukasus und nach Georgien*, т. II, стр. 731) и за нимъ St. Martin (*Mémoires hist. et géogr. sur l'Arménie*, II, стр. 177 — 178).

По древней редакціи *Грузинскихъ летописей*, сохранившейся въ армянскомъ переводѣ (Венец. изд., 1884, стр. 11), уже эпонимный родоначальникъ Грузіи (= *Qarḡli*) *Картлосъ* занимаетъ гору (впослѣдствіи) Армазъ, гдѣ и хоронитъ его старшій сынъ Мцхетосъ, также эпонимно явившійся. Но далѣе въ той же редакціи *Грузинскихъ летописей* первымъ строителемъ стѣны Армаза съ горы до рѣки Куры названъ Адармосъ, посланный Афридуномъ (*Финиф. Фриву*, стр. 14—15). Въ этихъ свѣдѣніяхъ, конечно, историческаго мало, развѣ въ имени Адармосъ, въ которомъ, если признать искаженіе Адармогъ, получимъ нарицательное имя *магъ огня*, что вполнѣ къ лицу дѣятелю, строившему ограду Армаза, средоточія иранскаго культа въ Грузіи.

Сооруженіе идола Армаза и *Грузинскія летописи* приписываютъ Фарнавазу; при этомъ сообщаются подробности, весьма любопытныя для освѣщенія личности этого царя. Въ древней редакціи, подлежащей исключительно въ армянскомъ переводѣ, читаемъ слѣдующее (стр. 24): «(Фарнавазъ) сдѣлалъ большого идола по своему образу, и этотъ самый и есть Армазъ, ибо на персидскомъ языкѣ Армазомъ называютъ Фарнаваза. Онъ поставилъ идола на вершинѣ (горы) *Картлоса*, которая до сего дня называется Армазомъ».

Наивныя объясненія летописца основаны на правдивыхъ фактахъ, получившихъ въ его изложеніи ложное освѣщеніе. Не грузинскаго князя Фарнаваза звали персы Армазомъ, а, наоборотъ, бога Армаза могли они звать Фарнавазомъ, и, очевидно, къ названному богу, идолъ котораго, предполагается, былъ сооруженъ на Армазѣ, прилагали его поклонники эпитетъ Фарнавазъ.

Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что по подобію Армаза вм. Армазда и въ Фарнавазѣ имѣемъ форму позднѣйшую вмѣсто Фарнаваздъ, то въ послѣднемъ получимъ грузинскую передачу, съ усѣченіемъ послѣдняго слога *та*, превосходной степени отъ прилагательнаго *მუშვეზარდანი* *блестящій, сіяющій*, именно формы *q[u]arənağhastema сіяющій въ высшей степени*¹⁾. Эпитетъ съ такимъ значеніемъ вполнѣ законенъ и обыченъ для

---

1) Совершенно неудачна попытка возвести грузинское «Фарнавазъ» къ конструируемому иранскому имени «Фарнабазукъ» или «Фарнабазу» *съ счастливою рукою* (Justi, *Iranisches Namenbuch*, стр. 92). Последнее въ грузинскомъ звучало бы «Фарнабазуки», гезр. «Фарнабазуги», или «Фарнабазуй».

Ахура-Мазды, какъ извѣстно, почителя «сварны» или священнаго блеска въ высшей степени (Spiegel, *Iranische Alterthumskunde*, II, стр. 42).

Этотъ эпизодъ изъ исторіи Фарнаваза, очевидно, простой вымыселъ; другой же болѣе крупный, именно находженіе имъ клада, со всеми занимательными подробностями, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ, представляетъ параллель къ одной персидской ходячей сказкѣ, быть можетъ, литературное ея заимствованіе. Тѣмъ не менѣе можно и не отказываться еще отъ мысли, что въ Фарнавазѣ мы имѣемъ дѣйствительнаго грузинскаго царя или князя¹⁾, а не олицетвореніе эпитета Ормузда, хотя въ *Грузинскихъ Лѣтописяхъ* достовѣрныхъ сообщеній о немъ нѣтъ, и даже память о смерти его украшена маловѣроятною подробностью. Именно мало вѣроятно, чтобы Фарнавазъ, поклонникъ Армаза-Ормузда, если онъ, дѣйствительно, былъ таковымъ, по смерти нашелъ успокоеніе въ могилѣ передъ идоломъ Армаза, какъ читаемъ въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* (*Финанс. Журналъ*, стр. 25).

Конечно, были области и эпохи въ Персіи и въ районѣ ея вліянія, отлично мирившіяся съ похоронами царей въ гробницахъ и мавзолеяхъ²⁾, но этого сказать нельзя про Грузію, особенно про Грузію той эпохи съ иранскимъ культомъ, на которую еще кое какъ хватаетъ памяти древне-грузинскихъ историковъ. По Проконію (*ВР*, I, 12), Сасаниды строго слѣдили, чтобы въ Грузіи соблюдались погребальные обряды по Авестѣ. И что грузины передъ принятіемъ христіанства не хоронили своихъ покойниковъ, этого не скрываютъ и *Грузинскія лѣтописи* (см. ниже, стр. 15).

Священное мѣсто Армазы, по *Исторіи обращенія Грузіи*, было предместомъ особыхъ попеченій грузинскихъ царей: преемникъ Фарнаваза, Саурмагъ, сталъ его обстраивать, и Мирванъ, преемникъ Саурмага, достроилъ его. Такимъ образомъ мѣсто находженія идола Армаза обратилось въ городъ, можно сказать, священный городъ.

Обстраиваніе Армазовъ продолжалось: царь Арс(укъ) окружилъ его со всехъ сторонъ стѣнами, а преемникъ его Арнкъ возвелъ внутреннюю крѣпость.

Царь Фарнаджомъ³⁾, преемникъ Мирвана, достроившаго мѣсто Армазы, и предшественникъ Арсука, окружившаго его стѣнами со всехъ сторонъ,

---

1) Извѣстенъ и по инымъ источникамъ царь Иверин по имени Фарнавазъ (Justi, *Ir. Namenbuch*, подъ сл.), но въ другое время.

2) Ср. также обсуждавшійся въ засѣданіяхъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общ. и на страницахъ его Записокъ (т. XIII, стр. II—IV, 099—0104) вопросъ о древнихъ самаркандскихъ гробахъ: возможность погребенія костей, какъ мѣстной особенности, специалисты принципиально не отрицаютъ и въ районѣ господства Зороастрова ученія. Любопытно было бы изслѣдовать въ связи съ этимъ вопросомъ древніе типы погребенія въ Грузіи и вообще на Кавказѣ.

3) Или Фарнаджумъ, ср. ниже, стр. 18: Барзабодъ и Барзабудъ.

«воздвигъ идола Задена на горѣ и обстроилъ его», какъ читаемъ въ *Обращеніи Грузіи*.

Заденъ, несомнѣнно, представляетъ авест. yazata, собств. мн. ч. пельеви yajdān или yaztān, перс. yazdān, и означаетъ *добраго гения*, особенно *Митру* или *Митра* и затѣмъ вообще *Бога*.

Упомянутое о пагорномъ культѣ Задена-Митра вторымъ послѣ культа Армаза-Ормузда вполне согласуется съ тѣмъ, что Митра послѣ Ахура-Мазды одно изъ важнѣйшихъ божествъ въ иранской религіи (Spiegel, *Er. Alt.*, II, стр. 78).

Въ *Житіи св. Нины*, а отсюда и въ *Грузинскихъ летописяхъ* (*ქართ. ჟღერა*, стр. 46), разсказывается, что когда Нина подошла къ предѣламъ Грузіи, то у Фаравапскаго озера встрѣтилась съ рыболовами изъ различныхъ угловъ Грузіи. Эти рыболовы, объяснившіеся съ Ниною по армянски, клялись Армазомъ (арм. перев. Арамаздъ) и Заденомъ.

Въ персидскихъ религіозныхъ памятникахъ Митра часто призывается рядомъ съ Ахура-Маздою (Spiegel, *Er. Alt.*, II, стр. 79).

Какъ и Ормуздъ, Митръ является носителемъ «хварны» или священнаго блеска въ высшей степени (Spiegel, *п. с.*, стр. 78); поэтому ему прилагается титулъ *quarēngūastema*. Если вспомнить что группы *st*, *nt* персидскихъ именъ въ вульгарномъ грузинскомъ произношеніи являются въ видѣ *ḥ* (*д*) и *ḥ* (*з*), какъ напр. Годжаспъ *Godasp* изъ Гонтаспа (*Gohtasp*), то эпитетъ Митра *q[u]arēnağhastema* въ вульгарномъ грузинскомъ произношеніи долженъ былъ звучать *ḥarḥadem*, resp. *ḥarḥadem*, съ чѣмъ, несомнѣнно, представляетъ тождественную величину имя царя Фарнаджома: уже сказано, что онъ именно, по грузинскимъ источникамъ, ставилъ идола Задена-Митра, носителя этого титула. Я не хочу этимъ утверждать, что не было грузинскаго царя Фарнаджома, но весьма вѣроятно, что тотъ Фарнаджомъ, о которомъ говорится въ приведенномъ мѣстѣ *Обращенія Грузіи*, есть олицетвореніе эпитета бога Задена-Митра.

Необходимость постановки особаго идола для Задена объясняется тѣмъ, что по *Житію св. Нины* его внослѣдствіи сокрушаетъ Просвѣтительница Грузіи, а въ *Житіи* идолъ Задена появляется въ связи скорѣе съ тенденціею благочестиваго автора представить грузинское язычество нагляднѣе въ видѣ грубаго идолопоклонства, чѣмъ съ реальными фактами. Не говоря уже о характерѣ маздеизма, допустимъ, можемъ видоизмѣниться на грузинской почвѣ, ни одна реальная подробность, ни одинъ эпизодъ изъ грузинскихъ же источниковъ не напоминаетъ о существованіи этого идола. Что по примѣру Армаза кумиръ Заденъ «ставится» на горѣ, это вполне согласуется съ единодушными заявленіями древнихъ (Геродотъ, Діона у Клі-

мента Алекс., Страбонъ), что персы, слѣдовательно, вообще поклонники Ормузда приносили жертвы своимъ богамъ на высотахъ (Spiegel, ц. с., стр. 593).

Любопытно также, что какъ за постановкою кумира Армаза, такъ за постановкою кумира Задена, регулярно повторяется однообразное сообщеніе объ обстроеніи мѣста для возведенія ограды. Черезъ отверстіе въ такой же оградѣ св. Нина видитъ языческое торжество въ день праздника Армаза (см. ниже, стр. 11).

Рѣчь, по всей видимости, о храмѣ огнепоклонниковъ въ видѣ пространства, обнесеннаго оградой, гдѣ горѣлъ священный огонь и совершалась служба: одинъ такой храмъ въ Каппадокии описываетъ Страбонъ (кн. XV, гл. 3, § 13) въ качествѣ очевидца (Spiegel, *Er. Alt.*, III, стр. 593—594).

Въ грузинскомъ *Житіи св. Іоанна Зедазенскаго* читаемъ, что на вершинѣ горы Зедазень, отождествляемой съ горою нашего Задена, нѣкогда язычниками была сооружена башня (ჯეჯეჯე) и стоялъ жертвенникъ, на которомъ совершались мерзкія жертвоприношенія мерзѣйшихъ діаволовъ¹⁾» (рп. Церк. муз. 170, стр. 15 [по цит. у О. Жорданія, *Хрн.*, I, стр. 14, 20]).

Въ обѣихъ редакціяхъ *Грузинскихъ лѣтописей* (*ქართ. ჟღაღ*, стр. 27; *Hist. de la G.*, изд. Brosset, стр. 34) сообщеніе о кумирѣ Заденѣ истолковано совершенно превратно въ томъ смыслѣ, будто Фарнаджумъ построилъ крѣпость Заденъ²⁾ и затѣмъ поставилъ въ ней идола Задена.

Средоточіемъ иранскаго культа были Армазы. Боги Заденъ и Армазъ, которыми клялись между прочимъ грузинскіе рыболовы у озера Фараванъ, имѣли святилище въ одномъ пунктѣ, въ предмѣстіи или, какъ читаемъ въ прежней редакціи *Грузинскихъ лѣтописей* (*ქართ. ჟღაღ*, стр. 46), въ рабадѣ *ربض*³⁾ города Мцхеты, т. е. въ Армазѣ: «мъ», говорили они Ницѣ, «визъ рабада Мцхеты (*ქართ. ჟღაღსა უზღუდო*), гдѣ боги прославляются (или сіяютъ, быть можетъ, съ намекомъ на «хварну» иранскихъ боговъ) и цари царствуютъ⁴⁾».

---

1) И въ этомъ памятникѣ говорится объ идолѣ Задена, но уже завѣдомо на основаніи *Житіи св. Нины*: *ქართ. ჟღაღსა ზედაზენისა ღმერთისა მღვდლისა უფროსისა სანა ოლი, სანა უფროსი ოლი მღვდლისა ღმერთისა* (рп. ц., ц. м.). Очевидно, на этомъ основаніи поспѣяетъ О. Жорданія (ц. с., стр. 14) слово *жертвенникъ* помѣщенными въ скобкахъ словами *ჯეჯეჯე იდოლ ზადენა*.

2) Въ *ქართ. ჟღაღ* слово *საღ* Adēn вм. *ჯაღ*, Zaden, гдѣ *ჯ* принято за арм. предлогъ вин. пад. и опущено и здѣсь, и ниже. — Надо полагать, подъ вліяніемъ этой версіи О. Жорданія, *Хроника*, I, стр. 14, и въ рукописи *Обращенія Грузіи* видятъ остатки (буквы *ს* и *ჯ*) слова *საღ* крѣпость.

3) Или еще, пожалуй, лучше *سائط*, *святилище, мѣсто молитвъ* (de Slane, JA, 1842, XIII, стр. 168, 2).

4) Въ *Житіи св. Нины*, изданномъ Е. Такайшвилц, стр. 16, а за нимъ и въ позднѣйшей редакціи *Грузинскихъ лѣтописей*, рабадъ понять, какъ собственное имя, названіе

Царь Саурмагъ и Мирванъ, строители священнаго города Армазовъ, мѣстопребыванія Армаза, ввели еще двухъ кумировъ, первый Айнину (𐌆𐌔𐌖𐌔𐌖) и второй Даниву (𐌆𐌔𐌖𐌔𐌖).

Эти божества, введенныя царями-покровителями иранскаго культа, быть можетъ, также иранскія. Въ нихъ, быть можетъ, подлежать искаженію двухъ названій одного и того же божества, названія иранскаго божества Анахиты, герм. Анахиды и названія не-иранскаго — Напы. Древняя редакція *Грузинскихъ мѣтописей* (*წიგნი ქრისტიანული*, стр. 25) сохранила какъ будто лучшее чтеніе вм. Данины, именно Данану: въ немъ начальный слогъ 𐌆𐌔 (да) лишній, но какъ разъ этотъ лишній слогъ, быть можетъ, перешелъ къ нему отъ «Анахида», еще болѣе искаженнаго въ грузинскомъ (Айнина), если, конечно, они стояли рядомъ. II, дѣйствительно, въ обѣихъ редакціяхъ *Грузинскихъ мѣтописей* эти божества названы рядомъ, такъ какъ, судя по нимъ, ихъ ставитъ одинъ царь Саурмагъ. Въ монографіи Fr. Windischmann'a о персидской Анахитѣ (*Die persische Anahita oder Anaëtis. Ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients. Abh. der philos.-philol. Classe der Kön. bayer. Ak. d. Wissensch.*, VIII, 1858, стр. 87 — 128) перечислены (стр. 121) такія варіація имени Анахиты, что можно бы мириться и съ грузинскою формою, очевидно, искаженною. На существованіе въ Грузіи другаго названія (Нана) можетъ указывать имя грузинской царицы Напы, разъ имена грузинскихъ царей по тѣмъ или другимъ причинамъ стоятъ въ тѣсной связи съ названіями грузинскихъ боговъ.

Тѣмъ не менѣе пока можно и не настаивать на персидскомъ происхожденіи этихъ двухъ кумировъ съ искаженными названіями. Имена, особенно первое — Айнина, слишкомъ своеобразны, быть можетъ, внесены откуда-либо книжнымъ путемъ, а реаліи о нихъ отъ грузинскихъ писателей мы знаемъ очень мало. Правда, ихъ вводятъ покровители иранскаго культа Саурмагъ и Мирванъ, но они отводятъ имъ мѣсто, особое отъ мѣста мнимонаціональнаго бога Армаза. По *Обращенію Грузинъ*, «Саурмагъ воздвигъ идола Айнину на дорогѣ», точно также «Мирванъ воздвигъ идола Даниву на дорогѣ».

особаго грузинскаго города, и сама Мцхета, съ эпитетомъ «великій городъ», обращена въ мѣстопребываніе боговъ и царей. Grosset. въ угоду такому толкованію невѣрно переведши черезъ de la grande ville de Mtkhêtha (*Add. et cl.*, стр. 21) совершенно ясный армянскій текстъ (*Մեծաքաղաքի Գճիկ(Թ-դ)*), въ другомъ мѣстѣ (*Hist. de la G.*, I. перев., стр. 98, 7) признается, что ему невѣдомо географическое названіе Rabat или Darba. Последнее встрѣчается въ армянскомъ текстѣ (ц. м.: *Գճիկ(Թ-դ)*) и представляетъ искаженіе грузинскаго слова *𐌆𐌔𐌖𐌔𐌖* селеніе, приложенія географическаго пункта Еларбинъ (ср. *Житіе св. Нины*, стр. 16, 7; *Груз. мт.*, изд. Grosset, стр. 71).

Быть можетъ, подробность эта значить, что названые боги были помѣщены на дорогѣ вѣ ограды священныхъ Армазовъ съ завѣтными святынями, какъ чуждые Армазу боги. Такое толкованіе возможно ввиду сообщенія Хоренскаго (II, 49) объ аналогичномъ фактѣ: «Арташесъ II, рассказываетъ армянскій историкъ, строить Арташатъ [т. е. священный городъ] и переносить туда изъ Багарана идола Артемиды (= Анаһиты) и всѣхъ отновскихъ (дѣдовскихъ) кумировъ, а идола Аполлона (= Тпра) ставить за городомъ у самой дороги (*Հրազդանի քաղաքի մոտ*)».

Отсутствіе у грузинъ иранскаго божества Анаһиты, столь популярнаго и въ Арменіи, конечно, вызываетъ недоумѣніе, но только до тѣхъ поръ, пока мы не разстались съ предубѣжденіемъ, будто въ древне-грузинскихъ историческихъ памятникахъ мы имѣемъ полное отраженіе дѣйствительной древности. Въ нихъ нѣтъ рѣчи и о многихъ другихъ иранскихъ божествахъ, культъ которыхъ, по всей вѣроятности, былъ въ Грузіи. Въ ихъ рѣчи нѣтъ о богѣ Ваһагнѣ-Веретрагнѣ, тогда какъ Хоренскій, обратившій этого Ваһагна въ армянскаго царя, не скрываетъ (I, 31), что въ Грузіи Ваһагну былъ воздвигнутъ идолъ въ ростъ и что тамъ чествовали его жертвоприношеніями. Слѣды культа Ваһагна (Веретрагны), быть можетъ, вскрываются и въ *Грузинскихъ летописяхъ*, но въ своеобразной отдѣлкѣ: такъ страшное повѣствованіе о царѣ Вахташгѣ Горгасарѣ, сдается мнѣ, составлено не безъ нѣкоторой доли вліянія народнаго сказанія о богѣ Ваһагнѣ. Явленіе, какъ извѣстно, само по себѣ нерѣдкое.

Въ частности тоже самое, именно низведеніе мѣстныхъ боговъ въ царей или во всякомъ случаѣ использованіе народныхъ сказаній о богахъ въ повѣствованіяхъ о дѣйствительныхъ или мнимыхъ царяхъ замѣчаемъ и въ армянской литературѣ, такъ у Хоренскаго, а авторъ *Грузинскихъ летописей* въ древней ихъ части, несомнѣнно, зависитъ отъ труда Хоренскаго и проявляетъ общіе съ нимъ приемы.

Персидская религія въ Грузіи поддерживалась жрецами, которые въ ней, какъ во всемъ западномъ Иранѣ (Spiegel, *Eranische Alterthumskunde*, 1878, III, стр. 590), назывались магами.

По древней редакціи *Грузинскихъ летописей* (*Պատմ. Վրաց*, стр. 27), Фарнаджомъ, поставившій идола Задена, «оказалъ почести магамъ, исповѣдникамъ персидской вѣры, и построилъ имъ мѣсто, которое теперь (во время летописца) называется Магово (Moguda), и они поставили домъ огня». Летописецъ впрочемъ напрасно проводитъ грань между персидскою религіею маговъ и иранскимъ же культомъ въ Армазахъ, который онъ склоненъ представить роднымъ, грузинскимъ.

Эта грань еще болѣе вышукло выступаетъ въ позднѣйшей редакціи

Грузинских летописей (изд. Brosset, стр. 34), гдѣ читаемъ, что маги, проживавшіе въ Маговѣ, стали поносить кумировъ, и потому жители Грузіи возненавидѣли ихъ, такъ какъ у грузинъ было великое упованіе на кумировъ, и послѣдовалъ государственный переворотъ (появленіе армянскаго аршакида на грузинскомъ престолѣ). Итакъ, персидскіе маги поносили Армаза и Задсна, т. е. Ормузда и Митра, а грузины стояли за честь ихъ, какъ за честь національныхъ боговъ! Историческая перспектива во всякомъ случаѣ любопытная.

Авторъ *Житія св. Нины* какъ будто также допускаетъ это различіе, хотя не такъ ясно. Такое нерѣшительное различіе наблюдаемъ при описаніи языческаго праздника грузинъ; описаніе это впрочемъ внесено въ позднѣйшую редакцію *Грузинскихъ летописей*, и на этотъ разъ безъ усиленія первоначальныхъ штриховъ.

Когда Нина прибыла въ Грузію, она остановилась въ городѣ Урбишеѣ въ еврейскомъ кварталѣ¹⁾. Однажды двинулся народъ во множествѣ изъ Урбишеа «въ великій городъ Мцхету, резиденцію великихъ царей, торговать и молиться богу своему Армазу». Нина послѣдовала за толпою, и когда они достигли «Мцхеты, зона маговъ надъ мостомъ», то она остановилась тамъ съ другими и глядѣла на «собраніе огнепоклонниковъ, на маговъ и ихъ заблужденіе» (ц. с., стр. 19—20).

Это было лишь преддверіе праздника. На слѣдующій день трубные звуки возвѣстили о наступающемъ торжествѣ. Торжество было обставлено съ большимъ великолѣпіемъ; на мѣсто моженія прошла сначала одна царица Нана, затѣмъ народъ встрѣтилъ царя Мпріана съ иѣсиями (ჰესია). Мпріанъ сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ. На вопросъ Нины, въ чемъ дѣло, получается отвѣтъ, что этихъ людей съ царемъ и царицею во главѣ «призываетъ богъ боговъ ихъ Армазъ, подобнаго которому²⁾ нѣтъ другого кумира».

Нина отправилась посмотрѣть на Армаза. Она проникла въ крѣпость Армазы (არმასი) и остановилась близъ его идола у расщелины ограды (ნანსაღის ზღუდისას). Зрѣлище представлялось ужасное для нея. Она увидѣла мѣднаго человѣка; онъ былъ одѣтъ въ золотой напциръ; на немъ были золотой шлемъ и наплечники. Онъ былъ усаженъ опиксомъ (օքսիճո) и берилломъ (ბერիլո); въ рукахъ держалъ отточенный мечъ, который блисталъ и вертѣлся въ его рукѣ, какъ бы предвѣщая смерть тому, кто прикоснулся бы. Народъ въ страхѣ вспоминалъ свои прегрѣшенія передъ вели-

1) Мы читаемъ *ჰესია*, какъ въ *Груз. лѣт.* Въ *Житіи св. Нины*, равно въ спискѣ *Груз. летописей* царицы Маріи (см. Такайшвили, ц. с., стр. 19, пр. 1) стоитъ *ჰესია* *ვგ* *კაპიანი*; *ჰესია* = арм. *მային*.

2) Буквально: *онъ или кромѣ котораго*.

кимъ Армазомъ (*Житіе св. Нины*, стр. 20—21; *Груз. мт.*, изд. Brosset, I, стр. 73 — 74).

Повторяю, при желаніи въ этомъ описаніи праздника можно видѣть какъ будто двѣ независимыя части — въ одинъ день служеніе маговъ, что позднѣйшая редакція *Грузинскихъ мтотисей* называетъ персидскою религіею, на другой день народное съ вѣнценосцами во главѣ празднованіе великаго Армаза, котораго позднѣйшая редакція *Грузинскихъ мтотисей* склонна выдать за національнаго грузинскаго бога.

Но древняя редакція *Грузинскихъ мтотисей* устраняетъ всякую мысль о двухъ частяхъ праздника, части персидской съ магами и части грузинской въ Армазахъ. Въ пей рѣчь объ одномъ днѣ, именно о праздникѣ бога Армаза въ Армазахъ, куда и идетъ прямо Нина вмѣстѣ съ богомольцами.

Однако и въ древней редакціи *Грузинскихъ мтотисей* появляется описанный выше мѣдный человекъ; по общему теченію повѣствованія всѣхъ трехъ текстовъ въ немъ мы должны видѣть описаніе идола Армаза, но нигдѣ не выражено это въ рѣшительной формѣ. Не находится ли эта перѣшительность въ связи съ сознаниемъ, что описаніе мнимаго идола Армаза представляетъ въ сущности описаніе иного сюжета? Нѣтъ, конечно, пока основанія отрывать существованіе идоловъ у грузинъ, по есть всякое основаніе предполагать, что у авторовъ *Житія св. Нины*, *Обращенія Грузин* и *Грузинскихъ мтотисей* не было никакихъ, даже смутныхъ, представленій о стародавнемъ родномъ грузинскомъ язычествѣ, что въ ихъ время въ качествѣ по крайней мѣрѣ господствовавшей правительственной религіи, религіи грузинскихъ царей и знати, родное язычество вполне было вытѣснено изъ памяти иранскимъ культомъ. Потому, если наши источники достовѣрны по крайней мѣрѣ въ отношеніи сырого матеріала, хотя бы отчасти, и грѣшатъ лишь произвольнымъ его размѣщеніемъ, то и въ данномъ описаніи можно видѣть использованіе реальныхъ данныхъ. Именно можно думать, что авторъ этого описанія воспользовался внѣшними болѣе или менѣе известными ему атрибутами мага-жреца и съ этими атрибутами создалъ для Армаза особаго идола, безъ чего и язычество-то грузинское не имѣло бы столь богопротивнаго вида. Для этого барсома или палица, и та, и другая—одинъ изъ атрибутовъ маговъ (*Spiegel, Erânische Alterthumskunde*, III, стр. 560, 590), могла быть обращена въ отточенный мечъ идола; шлемъ съ наплечниками для идола могъ получиться изъ тіары мага съ ниспадающимъ забраломъ для открытія губъ и щекъ, о которой говорятъ Страбонъ и Павзаній, кн. V, 27, 6 (*Spiegel*, ц. с., III, стр. 542).

Во всякомъ случаѣ маги съ огненпоклопствомъ являются, по грузинскимъ источникамъ, реальными представителями язычества, съ которыми

приходилось бороться въ Грузіи христіанству. Когда христіанство дѣлало успѣхи, то маги являлись терпящей стороною. По *Обращенію Грузіи* (изд. Такайш., стр. 27), маги занимались волхвованіемъ (Ձագածջև), поклоняясь огню въ Маговѣ (Ձաջոտև), когда грузинская знать (Տեմաշուհ) построила церковь св. Стефана на рѣкѣ Арагвѣ¹⁾. Еще раньше, въ началѣ пятаго вѣка, по смерти грузинскаго царя Мирдата IV (408—410²⁾, увезеннаго персами въ Багдадъ (sic!), персы, занявъ Грузію, опустошили церкви: грузины спрятали кресты, а персы-огнепоклонники зажгли огни во всѣхъ церквахъ Грузіи (*Груз. мт.*, изд. Brosset, стр. 108). Позже царь Арчилъ (410—434) открылъ кресты, украсилъ церкви; тогда огнепоклонники были преданы смерти или изгнаны изъ Грузіи (ib.). Однако этотъ же Арчилъ по смерти епископа Василія «посадилъ епископа, называвшагося Мобиданомъ [موبدان, мн. ч.³⁾ отъ موبد *начальникъ маговъ*]. Послѣдній былъ родомъ персь, дѣлалъ видъ, что онъ — православный, на самомъ же дѣлѣ былъ невѣрный магъ, нарушитель закоповъ [христіанскихъ]». «Царь Арчилъ и его сынъ», поясняетъ тутъ же лѣтописецъ (изд. Brosset, стр. 110), «не почували невѣрія Мобидана; они считали его заслуживающимъ довѣрія. Онъ не могъ открыто проповѣдывать свою религію, боясь царя и народа, но тайно писалъ книги всякаго соблазна. Впослѣдствіи всѣ эти книги сжегъ истинный епископъ Михаилъ [грекъ], который былъ отрѣшенъ (Ձեռնադրուտ) за дерзновеніе передъ царемъ». Съ другой стороны, и христіанскую вѣру не всякій могъ безъ страха исповѣдывать въ это время въ Грузіи. Сагдухта, вдова царя Мирдата V (434—446), мать царя Вахтагга (446—499), дочь Ранскаго правителя Барзабоды, просила отца покровительствовать ея сыну передъ персидскимъ царемъ и не принуждать ее оставить принятую ею христіанскую вѣру (она была обращена изъ огнепоклонства). Относительно вѣры по этому случаю Барзабудъ высказался такъ (ц. с., стр. 11): «силою и грузинъ-то другихъ я не заставлю покланяться Христову вѣру, но я пошлю огнепоклонниковъ въ вашъ городъ, и надъ ними тамъ будетъ [начальствовать] епископъ нашей вѣры, и вы не останавливайте, если кто изъ грузинъ по своей волѣ предпочтетъ нашу вѣру». Сагдухта согласилась. «Тогда Барзабудъ отправилъ огнепоклонниковъ въ Мцхету, (назначивъ) надъ ними епископомъ Биніара, и они осѣли въ Маговѣ (Ձաջոտև)». Позже, по смерти полководца (Եննեջուհ) Саурмага, дядьки царя Вахтагга, персидскій «царь

1) По сводной редакціи *Грузинскихъ лѣтописей* (изд. Brosset, стр. 109) церковь эту построилъ самъ царь Арчилъ (410—434).

2) По Brosset.

3) Окончаніе «ан» въ данномъ словѣ можетъ быть и суффиксомъ ան, служащимъ для образованія фамилій (помпн gentile) и являющимся въ армянскомъ въ видѣ ean = ian, геэр. уан. Въ такомъ случаѣ ср. ниже «Биніарианъ», имя епископа маговъ.

поставилъ другого полководца, по имени Джуапшера. Между тѣмъ Биянка-rianz, мцхетскій епископъ [маговъ], персѣ, огнепоклонникъ, училъ грузинъ своей вѣрѣ, но изъ знатныхъ никто не слушался; только изъ простого народа онъ многихъ обратилъ въ огнепоклонство. И въ Грузіи огнепоклонство проникло въ простой народъ. Поэтому царица Сагдухта очень печалилась, но изъ-за персидскаго насилія она ничего не дерзала. Тогда она привела истиннаго священника изъ Греціи по имени Михаила, и поставила епископомъ въ верхней церкви, такъ какъ епископъ Мобиданъ преставился. Этотъ епископъ Михаилъ возсталъ противъ искусителя Биякара, ибо онъ училъ всѣхъ истинной вѣрѣ. Онъ удержалъ въ вѣрѣ всѣхъ знатныхъ Грузинъ и большинство народа, и только малая часть народа обратилась въ огнепоклонство» (*Груз. мт.*, изд. Brosset, стр. 112).

Однако огнепоклонство продолжало одолевать Грузію. Вахтагъ вначалѣ не рѣшался открыто выступить противъ него, судя по *Грузинскимъ мтотисямъ* (изд. Brosset, стр. 113), изъ боязни предъ могуществомъ персовъ. Нѣтъ основанія думать, чтобъ христіанство сдѣлалось при немъ же позже господствующимъ, хотя постепенное усиленіе его весьма вѣроятно.

Съ усиленіемъ христіанства было связано, пожалуй, и перемѣщеніе политическаго центра. Армазы съ языческими святищами не могли сразу стать средоточіемъ христіанства. Успѣхъ центра новой религіи чувствительно отзывался на центрѣ древняго культа. Авторъ *Обращенія Грузіи* сообщаетъ (стр. 34): «Мцхета рѣдѣла, а Тифлисъ обстраивался; Армазы уменьшались, и Капа увеличивалась». Для насъ здѣсь особенно любопытно противопоставленіе Армазовъ и Капы. Дѣло не въ самомъ названіи крѣпости Тифлиса арабскимъ словомъ *قلعة*, хотя и это важно вмѣстѣ съ другими признанными уже анахронизмами ¹⁾ для датированія памятника ²⁾. Интересъ для насъ представляетъ то, что Армазамъ противопоставляется Капа, но въ качествѣ чего? Едва-ли въ качествѣ крѣпости, иначе грузинскій лѣтописецъ не противопоставлялъ бы процвѣтанія Тифлиса и Капы упадку

1) По поводу одного изъ нихъ, именно упоминанія Багдада задолго до его построения, любопытно отмѣтить, что этотъ же анахронизмъ былъ допущенъ, повидимому, судьейо-индійцемъ въ толкованіи одного изъ подложныхъ актовъ, на которые ссылались представители малабарской сирійской церкви зѣтъ 20 тому назадъ передъ англо-индійскимъ судомъ въ подтвержденіе своихъ домогательствъ (Rae, *The syrian Church in India*, 1892, стр. 334—335).

2) Слово *قلعة* = *قلعة* (отсюда сир. *قلعة*), въ литературѣ появляющееся у позднихъ писателей, равно перс. *قلعه* въ *Обращеніи Грузіи* встрѣчается еще два раза: а) *შპის ნამუდგომი ქუჩისაჲს შუენის სენიხთამის და შპის ციხისთვის კლავათ ცუდობისათჳს შუენის ქუჩისაჲს კარბოცხობათ* (стр. 35), б) *ნ მის უბნის სენიხთას დღეობა შემდგომისე კლავათ უბნისათჳს და ციხის თხოვ იგი შუენის* (стр. 19). Отпаденіе согласнаго элемента женскаго окончанія показываетъ, что грузины это слово усвоили сравнительно поздно или при посредствѣ персовъ, или, быть можетъ, сирійцевъ.

Мцхеты и Армазовъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Крѣпость [Кала] въ Тифлисѣ была построена, судя по *Грузинскимъ мѣтописямъ* (*ქართ. ჟღაღ*, стр. 71, равно груз. т., изд. Brosset, стр. 106,8 = франц. пер., стр. 140) персами еще во время Варазь-Бакара (379—393) въ противовѣсь Мцхетской крѣпости. Поэтому думается, что это противоположеніе отражаетъ факты иной эпохи, когда Кала могла противопоставляться древнимъ Армазамъ, средоточію языческаго культа, въ качествѣ священнаго для христіанъ мѣста: извѣстно, что въ этой крѣпости Калѣ расположенъ древнѣйшій между тифлисскими храмъ, въ придѣлѣ котораго находится могила св. Шушаники, первой мученицы († 560) въ Грузіи (Пл. Иоселіани, *Описаніе древностей города Тифлиса*, стр. 23—24 ¹⁾). Въ *Обращеніи Грузіи* замѣчаніе объ Армазахъ и Калѣ помѣщено вслѣдъ за строками о мученичествѣ Шушаники. Но огнепоклонство и послѣ этого продолжало держаться среди грузинъ.

Послѣдніе язычники въ Грузіи, судя по грузинскимъ источникамъ, это все тѣже маги. По *Обращенію Грузіи* (стр. 36), императоръ Ираклій велѣлъ собрать христіанъ въ городскихъ церквахъ, а маговъ и огнепоклонниковъ истребить, если они не просвѣтятся; тѣ не захотѣли просвѣтиться, проникли хитростью въ церкви, смѣшались съ христіанами, и потому въ церквахъ было пролито много крови.

Когда авторъ древнѣйшей редакціи *Грузинскихъ мѣтописей* черпнетъ первыхъ по времени язычниковъ-грузинъ, укоряя ихъ въ томъ, что они не разбирали родства при заключеніи брака и обходились безъ могилъ (*ქართ. ჟღაღ*, стр. 17), то, очевидно, писатель-грузинъ располагаетъ лишь свѣдѣніями о послѣдователяхъ Зороастрова ученія.

Съ именами иранскихъ боговъ и ихъ культомъ въ Грузію должны были войти иранскія религіозныя легенды, прежде всего, конечно, касающіяся исторіи распространенія маздензма.

Одна такая легенда, по всей видимости, лежитъ въ основѣ сказанія о Жывомъ столпѣ, внесеннаго въ *Житіе св. Нины* и отчасти извѣстнаго уже Руфину.

Царь Миріанъ для церкви жертвуетъ своимъ садомъ съ высокими кипарисами. Приступаютъ къ работѣ. Срѣзали кипарисъ, сдѣлали изъ него столпъ, а на корнѣ его положили основаніе церкви. Поднять кипарисовый столбъ однако не смогли: всѣ человѣческія усилія были тщетны. Царь и народъ ушли. Въ саду осталась св. Нина молиться. Прошла ночь съ различными видѣніями. На зарѣ къ Нинѣ подходитъ лучезарный отрокъ съ огненнымъ плащемъ (*ქართ. სავანე, простыня*). Онъ протянулъ руку къ столбу,

---

¹⁾ По *Житію* и *Грузинскимъ мѣтописямъ*, Шушаника была погребена въ Цуртавъ (*Обращеніе Грузіи*, изд. Такайшвили, стр. 33, прим. 2).

взялъ его за верхъ, поднялъ, вознесъ въ небесный рай, и затѣмъ столпъ спустился въ видѣ огня къ своему основанію: утромъ царь и собравшійся народъ видѣли корень и основаніе церкви, на которомъ, постепенно спускаясь, утвердился кипарисовый столпъ, уже лучезарный, безъ прикосновенія человѣческихъ рукъ.

Кипарисовый столпъ сталъ творить чудеса. Къ нему стекались Богомольцы отовсюду. Царь Миріанъ¹⁾ покрылъ его досками для защиты отъ людскихъ глазъ.

Кипарисъ, чудесно вознесенный къ небу, не былъ однимъ изъ многихъ; его принесли съ Ливана въ Мичету и посадили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ хитонъ Господень (*Житіе св. Нины*, стр. 35).

Въ сказаніи сошлись подробности трехъ различныхъ легендъ. Двѣ категоріи подробностей христіанскаго происхожденія: одна связала съ извѣстнымъ преданіемъ о Хитонѣ Господнемъ, другая съ свѣтовымъ столпомъ, столь популярнымъ въ христіанскихъ легендахъ²⁾. Остальныя подробности сводятся къ легендѣ о построеніи церкви на чудесномъ кипарисѣ. Подобная легенда извѣстна и въ Иранѣ. Про Гоштасна, обращеніе котораго, кстати, и составляетъ содержаніе *Зартушт-наме*, главнаго источника для жизни Зороастра, Фирдуси рассказываетъ, что онъ посадилъ кипарисъ. Кипарисъ этотъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ разросся такъ чудовищно, что его нельзя было обхватить никакимъ арканомъ. Тогда Гоштаснъ соорудилъ на немъ прекрасный храмъ и велѣлъ подданнымъ посѣщать этотъ храмъ и почитать это дерево (*Spiegel, Er. Alt.*, стр. 703).

Такимъ образомъ иранскій культъ, несомнѣнно, процвѣтавшій въ Грузіи, какъ ни слабо, какъ ни превратно (достаточно напомнить объ идолахъ), а всетаки отразился въ грузинскихъ историческихъ памятникахъ, и при томъ не въ видѣ голыхъ именъ или литературныхъ легендъ, а въ видѣ свѣдѣній, которыя кажутся, хотя бы отчасти, конечно, не свѣжими отложеніями дѣйствительной религіозной жизни—этого утверждать нельзя—а воспоминаніями о ней. Естественно, воспоминанія эти, внесенныя въ письменность слишкомъ поздно, туманны и неточны, частью влѣдствіе давности, частью влѣдствіе схоластическихъ пріемовъ использовавшихъ ихъ писателей. Надо имѣть въ виду и то, что завѣдомо назидательныя во славу новопосажденной христіанской церкви цѣли и вообще проповѣдническія задачи писателей. особенно автора основного источника — *Житія св. Нины*, также вліяли на

---

1) По *Грузинскимъ летописямъ*, Ревъ, I, стр. 96, 12 и сл., и еще Мирдатъ, стр. 102, стр. 103 по рп. Церк. музеи № 144 у Джанашивили, Иверія, 1898. №№ 190—191.

2) Напр. въ армянской версіи *Дѣтства Христа* (изд. Венец. 1898, стр. 38, 20—21), въ *Путешествіи Апполонія изъ Плацентіи*, перев. Помяловскаго, стр. 39 (о столпѣ въ Лиддѣ) и особенно у Агахангела (Тифл. изд., стр. 430).

свѣдѣнія о древней религіозной жизни грузинъ, и вліяли, конечно, не въ смыслѣ безпристрастнаго и обстоятельнаго ихъ изложенія. Что же касается самаго факта процвѣтанія въ Грузіи персидской религіи, то онъ можетъ быть еще подтвержденъ такими грузинскими опять таки данными, какъ имена лицъ, географическія названія, обычаи и т. п.

Детальная разработка этой стороны дѣла, надо полагать, окажетъ не малую поддержку утвержденію правильнаго взгляда на этотъ вопросъ въ кругѣ ученыхъ, интересующихся нашей спеціальностью. Пока отмѣтимъ любопытныя въ этомъ отношеніи разъясненія К. Г. Залемана, попутно брошенныя въ одной рецензій (З. В. О., IV, стр. 441—442): толкуя грузинскія имена Зурванели, Армазели и Заденели въ связи съ иранскими божествами, К. Г. Залеманъ заключилъ о существованіи у грузинъ культа не только Армаза и Задена, но и Зурвана, т. е. Зрвана акарнана *Безконечно времени*, и тогда еще призналъ «сильное вліяніе зороастрійскаго иранизма» на грузинъ.

IV.

Ничего подобнаго мы не можемъ сказать про боговъ, имѣющихъ насъ занять сейчасъ, хотя двое изъ нихъ уже въ *Житіи св. Нины* провозглашаются коренными грузинскими. Нѣтъ ни одного имени лица или географическаго названія въ связи съ ними; въ честь ихъ нѣтъ праздника; никто ими не клянется. Они бесплодныя для живой старины Грузіи имена, и какъ таковыя внесены въ грузинскую письменность книжнымъ-схоластическимъ путемъ. Мы, правда, видимъ, что книжники старались придать имъ особое, даже національное значеніе, но ихъ розсказы служатъ лишь новымъ доказательствомъ того, что эти боги въ Грузіи были беспочвенными пустыми словами.

Двое изъ нихъ помѣщены по сторонамъ Армаза-Ормузда, въ существованіи идола котораго, какъ было выяснено, пока можно сомнѣваться.

Въ *Житіи св. Нины* (стр. 21) читаемъ: «по правую сторону его стоялъ золотой кумиръ, имя его Гаца, а по лѣвую сторону его — серебряный кумиръ, имя его Га».

Богъ Га, дѣйствительно, извѣстенъ, но не у грузинъ, а у семитическихъ народовъ. На существованіе бога Ga, resp. Ge было указано впервые, если не ошибаюсь проф. Levy (*Aus einem Briefe des Prof. Levy an Prof. Fleischer*, ZDMG, 1869, XXIII, стр. 320). Название этого бога оказалось въ сложныхъ именахъ: въ финикійскихъ, собственно кароагенскихъ надписяхъ (𐤂𐤁𐤎𐤁 *Gah простилъ*: Davis № 8 у Levy, *Phön. Stud.* 111, 47) и въ набатейскихъ (𐤂𐤁𐤎𐤁 *rabg Bora Ga* у Vogüé, *Inscriptions sémitiques*,

табл. 14, № 3, сообразно съ этимъ Levy самъ исправляетъ свое прежнее чтение **בדאלהא** въ ZDMG, XXII, 266 ¹⁾, равно въ легендѣ одной древне-сирійской печати (**בדאלהא** *paša* [бога] *Ga*, см. Levy, *Siegel und Gemmen*, Breslau 1869, табл. III, Siegel mit altsyrischen Inschriften, въ текстѣ стр. 51, № 1 ²⁾).

Levy дѣлалъ различныя предположенія, какъ то, что названіе можно считать за заимствованіе изъ арамейскаго района, что его можно толковать, сопоставляя съ глаголомъ **פָּנָה** въ еврейскомъ, **פָּנָה**, **פָּנָה** въ арамейскомъ, въ качествѣ атрибута божества, въ значеніи «возвышенный», и что финикіяне и арамейцы—это казалось проф. Levy наиболее правдоподобнымъ — почерпнули его изъ какого либо общаго источника, напр. египетскаго. Наконецъ, Levy ставилъ вопросъ, не имѣетъ ли чего либо общаго съ нашимъ **פָּנָה**, **פָּנָה** сохраненное греками названіе *Γαύας*, носимое Адонисомъ (Movers, *Religion der Phönizier*, стр. 199). Vogüé (*Mélanges d'épigraphie*, стр. 113) предположилъ, что въ **פָּנָה** [**בדאלהא**] мы имѣемъ какого либо мѣстнаго бога, по Halévy (*Revue des Études Juives*, XII, 1886, стр. 157) эпонимаго бога *Γαία* или *Γέα* = **פָּנָה**, близъ Петры.

Gildemeister, еще раньше установившій чтеніе **פָּנָה** (*Epigraphische Nachlesen*, ZDMG, XXII стр. 152), предлагалъ по возможности отстранять мысль, что въ **פָּנָה** или **פָּנָה** имѣемъ какого либо новаго бога. Nöldeke не рѣшался слѣдовать за Levy въ пуническомъ **פָּנָה**, что же касается **פָּנָה** — набатейскихъ надписей, то онъ видѣлъ въ немъ лишь эпитетъ *возвышенный* въ связи съ сирійскимъ **פָּנָה** (ZDMG, XXIV, 97 и прим. 1), какъ впрочемъ толковалъ его и Levy. Богъ **פָּנָה** былъ затѣмъ усмотрѣнъ въ составѣ имени **בדאלהא**, которое дважды встрѣчается въ пальмирской надписи на одномъ рельефѣ (Blau, *Palmyrenisches Relief mit Inschrift*, ZDMG, XXVIII, стр. 75), хранящемся въ Эрмитажѣ.

Chwolson въ болѣе тщательномъ изданіи той же пальмирской надписи имя **בדאלהא** предпочелъ толковать, какъ сложное изъ **בדאל** и **הא** *корона* (*Ein Relief aus Palmyra mit zwei palmyrenischen Inschriften*, *Mélanges Asiatiques*, VII. St.-Pét., 1874—1876, стр. 443; ср. еще раньше попытку аналогичнаго толкованія **בדאלהא** у Levy, *Siegel und Gemmen*, 1869, стр. 51), но въ то же время онъ признавалъ довольно прочно установленнымъ существованіе у семитовъ, и внѣ набатейскаго района, названія божества **פָּנָה** (ц.-с., стр. 442) въ виду матеріаловъ, собранныхъ у Blau (ц.-с., стр. 75).

---

1) Это исправленіе сдѣлано было раньше Gildemeister'омъ въ томъ же томѣ ZDMG (*Epigraphische Nachlesen*, стр. 152).

2) У Stanley A. Cook'a, *A glossary of the Aramaic inscriptions*, Cambridge 1898, подъ **פָּנָה*** нахожу чтеніе **פָּנָה** съ ссылкой на это же мѣсто и гадательное сопоставленіе съ греч. *αυθιζαγγη* въ *Corpus inscr. graecorum* 4643b.

У Lidzbarsky, *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, стр. 247, **ga** предлагается—съ вопросом—толковать какъ сокращеніе **גא**.

Для насъ однако безразлично, прилагательное ли это или существительное, эпитетъ ли это какого либо извѣстнаго бога или самъ новый богъ, достаточно, что это слово *ga* появляется въ качествѣ названія бога. Но для насъ весьма важно установить, какимъ путемъ въ грузинскую письменность могло пройти это названіе. Авторъ *Житія св. Нины*, конечно, не могъ вычитать его изъ набатейской или пальмирской надписи. Но если такой богъ *ga*, дѣйствительно, существовалъ въ языческой Сиріи, то названіе могло попадаться въ сирійскихъ христіанскихъ памятникахъ. Общеніе же между христіанскою Сиріею и христіанскою Грузіею, несомнѣнно, существовало. Въ афонскомъ синодикѣ на грузинскомъ языкѣ мы находимъ три памяти о сирійцахъ, сдѣлавшихъ вклады въ Иверскій монастырь (Тифл. изд. 1901, стр. 227, 229, 247): объ Исаин, Θεодорѣ и Давидѣ. Для болѣе древняго времени я напомину извѣстное грузинское сказаніе о пришествіи сирійскихъ отцовъ въ Грузію и ихъ подвижнической и просвѣтительной дѣятельности въ ней. Напомню съ другой стороны легенду, уже не грузинскую, сохранившуюся на греческомъ языкѣ и теперь напечатанную мною въ извлеченіяхъ и на грузинскомъ по рукописи XI вѣка, переписанной на Черной горѣ близъ Антиохіи, именно *Житіе св. Марѳы, матери Симеона Столпника* (Н. Марръ, *Автографическіе матеріалы по грузинскимъ рукописямъ Ивера*, ч. I, стр. 38 сл.). Въ этой легендѣ значительная роль выпадаетъ на долю грузина, возведеннаго подъ конецъ на епископскую кафедру въ Селевкии (ц.-с., стр. 44).

Но больше, чѣмъ эти душеспасительныя легенды, для насъ въ данномъ вопросѣ имѣютъ значенія литературныя сношенія. И здѣсь мы стоимъ уже на твердой почвѣ фактовъ. Вліяніе сирійской литературы на грузинскую происходило въ два пріема. Въ древній періодъ — при посредствѣ армянъ. Литературныя памятники, прежде всего св. Писаніе, переводились съ сирійскаго на армянскій, а съ армянскаго на грузинскій. Позднѣйшія исправленія по греческому тексту не только грузинскаго и армянскаго переводовъ св. Писанія, но, какъ оказалось, и сирійскаго текста, конечно, способствовали затѣмнѣнію этихъ отношеній, но такъ какъ исправленія эти дѣлались врозь, независимо другъ отъ друга, и не во всѣхъ частяхъ съ одинаковою систематичностью, то мы располагаемъ матеріалами, вполне достаточными для выясненія этихъ отношеній¹⁾.

---

1) Особенно цѣнный матеріалъ даетъ для этого вопроса недавно открытый и изданный проф. Халатъянцемъ древнѣйшій армянскій переводъ книгъ *Паралипоменонъ*, въ

Въ другой пріемъ съ сирійскою литературою общались грузины послѣ разрыва съ армянами и по освобожденіи отъ армянскаго литературнаго вліянія. Въ эту пору грузины входили въ непосредственное общеніе съ сирійцами въ самой Сиріи и Палестинѣ, при чемъ переводили на родной языкъ не только съ сирійскаго, но и съ арабскаго, повятно, съ арабскаго языка христіанъ Сиріи.

Авторъ извѣстной намъ древнѣйшей редакціи *Житія св. Нины*, изданной Такайшвили, писатель не первой эпохи грузинской литературы; слѣдовательно, онъ, непосредственно, могъ вычитать это слово изъ какого либо сирійскаго памятника, если онъ зналъ по сирійски. А по сирійски онъ зналъ. Въ *Житіи св. Нины* мы находимъ цѣлую фразу на сирійскомъ языкѣ; она, правда, искажена отчасти, по благодаря сопутствующему древне-грузинскому переводу возстановить правильное чтеніе удастся. Въ этомъ же памятникѣ уже давно я имѣлъ случай указать персидскую фразу, которую произносить, какъ подобаешь въ виду персидскаго вліянія на грузинскій дворъ, грузинскій царь Миріанъ въ бесѣдѣ съ Нинюю (Н. Марръ, *Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ*, стр. 6, прим. = *الظفرية*, стр. 72, прим.).

Сирійскія слова произноситъ іерусалимскій патриархъ Ювеналь. Напутствуя Ниню, предполагается, въ Грузію, онъ характеризуетъ ей михетскихъ евреевъ такими словами:

დაბგველ ზეველ ბარკადოველ¹⁾

dargu[1]-el, ze[ko]φ-el, bar-kado[1]-el

«что значить²⁾», поясняется тутъ же, «богопротивники, богоборцы, возстающіе на Бога».

Грузинскій переводъ не совсѣмъ точенъ, но подлинникъ несомнѣнно сирійскій. Минюя любопытныя особенности произношенія — дебелаго ღ какъ d, дебелаго ო какъ ḡ, ა какъ v и l какъ r въ словѣ *ⲁⲃⲟⲗⲉⲗ*, —

работѣ о которомъ, въ значительной мѣрѣ уже продѣланной, намъ представится случай обстоятельно, съ фактами въ рукахъ, освѣтить это дѣло.

1) По *Житію св. Нины*, изд. Такайшвили, стр. 22: *დაბგველ ზეველ ბარკადოველ* dgevel zefel parkadovel, по спискамъ монастырей Крестителя и Шіо-Мгвиме (ц. с., стр. 22): *დაბგველ ზეველ ბარკადულ* darbevel zefel barkadul, по *Груз. мт.*, изд. Brosset, стр. 74: *დაბგველ ზეველ ბარკადულ* dargvel zefel barkadul. Въ армянскомъ переводѣ древней редакціи *Грузинскихъ мт.* (*Պատմ. Ժրագ.*, стр. 47) сирійскія слова опущены.

2) По позднѣйшей редакціи *Груз. мт.* (изд. Brosset, стр. 74), на «бранджскомъ» языкѣ.

особенности, присущія, замѣтимъ, вульгарному сирійскому¹⁾, фраза эта въ обратной древне-сирійской транскрипціи будетъ читаться такъ:

ܘܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ ܘܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ,

что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «противникъ Бога, распинитель Бога, сынъ убійцы Бога». Дѣло имѣемъ, очевидно, съ эпитетами евреевъ въ христіанскихъ памятникахъ²⁾.

Итакъ, авторъ *Житія св. Нины*, по всей видимости, зналъ по сирійски³⁾ и, слѣдовательно, могъ вычитать слово га изъ какого либо сирійскаго памятника. Да, могъ, но, оказывается, было бы неправильно, если бы мы заключили, что онъ именно и внесъ это слово изъ сирійскаго въ грузинскую литературу. Онъ, по всей вѣроятности, обратилъ га въ грузинскаго бога, но само названіе га существовало еще въ грузинскомъ текстѣ Библии, гдѣ оно сохранилось даже въ Московскомъ изданіи. Названіе бога или кумира га мы находимъ въ седьмой главѣ первой книги *Самуила* или *Царствъ* грузинскаго перевода дважды, въ третьемъ и четвертомъ стихахъ, и оба раза въ соотвѣтствіе подламъ Астарты⁴⁾.

Что богъ га вошелъ въ Грузію именно книжнымъ путемъ, видно между прочимъ и изъ его другой формы gain (*Гайинъ*: *Гривъ* стр. 21, 47, 57; *Груз. мт.*, изд. Brosset, стр. 74; Вахуштіи, *Исторія*

---

1) Ново-сир., именно урм. ܘܥܘܒܝܢܝ, означающее *противъ, противоположеніе, противникъ* есть, по всей вѣроятности, это же сирійское слово ܘܥܘܒܝܢܝ, транскрибированное сообразно съ вульгарнымъ произношеніемъ, а не сочетаніе персидскаго ܘ съ сир. ܘܥܘܒܝܢܝ, какъ объясняетъ Nöldeke, *Gram. der Neusyri. Sprache*, § 90, стр. 179.

2) ܘܥܘܒܝܢܝ *распинитель* — обычный эпитетъ евреевъ въ сирійскихъ памятникахъ; иногда въ томъ же значеніи употребляется ܘܥܘܒܝܢܝ, форма отъ другого корня ܘܥܘܒܝܢܝ (ܘܥܘܒܝܢܝ: ܘܥܘܒܝܢܝ: ܘܥܘܒܝܢܝ у Иоанна Ефесскаго, Land, *AS*, II, стр. 49, 5). Также обыченъ въ приложеніи къ евреямъ эпитетъ богоубійца, такъ напр. въ *Ученіи апостоловъ* евреи названы ܘܥܘܒܝܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ *убійцы Сына почитемаго* (Curetton, *Ancient syriac documents*, стр. 15, 4, а также Ебед-Гешу, *Собраніе каноновъ*, Scriptorum veterum nova collectio ab A. M., t. X, Romae 1838, стр. 172², 5); въ *Житіи Симона и Сергія* евреи названы, какъ въ нашей сирійской фразѣ, богоубійцами (Nöldeke, *Or. Skizzen*, стр. 241 [= Иоаннъ Ефесскій, Land, *AS*, II, стр. 49, 3: ܘܥܘܒܝܢܝ]). Тотъ же эпитетъ находимъ мы въ приложеніи къ евреямъ въ изданномъ мною грузинскомъ текстѣ *Житія Варлаама Сирокавказскаго*, переводѣ съ греческаго, 15, 2—3 (ܘܥܘܒܝܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ).

3) Мнѣ сдается, что съ сирійскимъ текстомъ имѣемъ дѣло и въ другомъ мѣстѣ *Житія*, именно въ названіяхъ десяти «эриставствъ» (стр. 6).

4) Въ 1 Ц. 7, 4 Моск. изданіе удерживаетъ рядомъ съ ܘܥܘܒܝܢܝ ܘܥܘܒܝܢܝ *чаща Га* и Астарту (ܘܥܘܒܝܢܝ).

Грузин, изд. Бакрадзе, стр. 3 (גֹּאֲזִים), 11 (גֹּאֲזִים), 61), представляющей искусственно образованное множественное число съ еврейскимъ окончаніемъ *im* по подобію еврейскаго *elohim* (אֱלֹהִים) *Boze*, но, сдается, въ подражаніе иному слову. Именно, въ томъ самомъ библейскомъ стихѣ, гдѣ содержится названіе кумира *ga* (1 Сам. 7, 4), еврейскій текстъ называетъ парно идоловъ Ваала и Астарты, буквально Вааловъ и Астартъ; это сочетаніе повторяется нѣсколько разъ, при чемъ первое изъ этихъ названій въ формѣ евр. мн. числа גֹּאֲזִיםъ появляется не только въ еврейскомъ подлинникѣ, но иногда и въ переводахъ, какъ напр. въ греческомъ, армянскомъ и грузинскомъ; и, слѣдовательно, снабженіе слова *ga* еврейскимъ суффиксомъ мн. числа не представилось бы затруднительнымъ и несвѣдущему въ еврейскомъ грузину, если оно не было внесено въ грузинскую письменность сразу же съ этимъ еврейскимъ окончаніемъ.

Ga, идолъ изъ серебра, стоялъ по лѣвую сторону Армаза, а по правую сторону Армаза «стоялъ идолъ изъ золота, и имя его Гади» (*Житіе св. Нины*, стр. 21).

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ (Фонтанъ *чрвдг*, стр. 57) и названіе *Gadi* появляется съ еврейскимъ окончаніемъ мн. числа въ видѣ *Gadim*, какъ бы представляя параллель также парнымъ, стоящимъ во мн. числѣ, Вааламъ и Астартамъ св. Писанія.

И, дѣйствительно, *Gadi* тяготеетъ къ этой парѣ, какъ увидимъ, съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ *Ga*, происхожденіе и положеніе котораго, если не ошибаюсь, до сихъ поръ невыяснено.

Въ надписяхъ, родственныхъ тѣмъ, которыя содержатъ названіе бога *ga* (въ сложныхъ именахъ), именно въ пальмирскихъ, встрѣчается богъ *kaḏē* (כַּדְע, כַּדְע также въ сложныхъ именахъ, см. de Vogüé, *Syrie centrale. Inscriptions sémitiques*, Paris 1868—1877, стр. 10, въ надп. № 5, 6 и 11, гдѣ указаны другія мѣста). Названіе этого бога сохранилось и самостоятельно въ формѣ *כַּדְע*, какъ *ἀπαξ εἰρημένον* въ сирійскомъ текстѣ Мелитона, предполагавшемся отрывкѣ его *Anoloin* (Cureton, *Spicilegium syriacum*, London, 1855, стр. 10, 9 = перев., стр. 44, 26 = Renan, *Mémoire sur Sanchoniathon*, Acad. des inscriptions, XXIII, 2-e partie, текстъ, стр. 321, 15 = перев., стр. 324 и прим. 1): здѣсь названа такъ мноическая личность въ Адиабенѣ, которую обоготворяли сирійцы.

Однако грузинская форма съ начальнымъ *g* не покрываетъ этой семитической формы, начинающейся *ḡ*-айномъ, которое должно было быть передано на грузинскій языкъ или тѣмъ же твердымъ звукомъ, существующимъ и въ грузинскомъ, или исчезающимъ обыкновенно въ грузинскомъ спиритомъ или легкимъ придыханіемъ, какъ передано оно на греческій

языкъ, напр. въ имени Ἀδύλαβος (Nöldeke, ZDMG, XXIV, стр. 92). Но на греческомъ же мы имѣемъ транскрипцію съ g: γατη или γατις (въ названіи богини Ἀτάργατις, см. de Vogüé, ц. с., стр. 8; Nöldeke, ZDMG, XXIV, стр. 92, прим. 1), и такую-то форму названія сирійскаго божества и имѣемъ въ грузинскомъ гаѣи (გაი), причемъ ѣ и въ немъ является не фонетическимъ эквивалентомъ звука t (τ), что при книжномъ заимствованіи было бы мало вѣроятно, а простою опіскою вмѣсто схожей буквы ց (t): ց и ց легко смѣшаны въ грузинскомъ письмѣ, и военномъ, и церковномъ. Что однако чтеніе нашего слова съ t вм. ѣ, дѣйствительно, существовало и на грузинскомъ, это видно изъ рп. Азіятскаго музея (№ 39, *Житіе св. Нины*, л. 4 б², 15), гдѣ названіе одного изъ этихъ боговъ, именно стоящаго по лѣвую сторону, звучитъ Gati (გაი)¹.

Такимъ образомъ два идола Gati и Ga, поставленные авторомъ *Житія св. Нины* по сторонамъ иранскаго божества, являются плодами книжнаго заимствованія названій семитическихъ боговъ. Божества Gati (искаженно Гаѣи) и Ga (съ еврейскимъ суфф. мн. ч. Gaim), происхождение которыхъ намъ теперь извѣстно, въ *Житіи св. Нины* названы грузинскими. Авторъ *Житія* устами св. Нины говоритъ (стр. 21): кумпры Гати и Га, «которыхъ отцы ваши считали богами, происходятъ изъ Грузіи». Царь и царица про нихъ говорятъ (стр. 37): «древніе боги нашихъ отцовъ». Однако въ *Житіи св. Нины* не указывается ихъ исторія. Другія историческія сочиненія восполняютъ этотъ пробѣлъ, и мы узнаемъ, что эти боги появились въ Мцхетѣ при первомъ правителѣ Грузіи, поставленномъ Александромъ Македонскимъ.

По *Грузинскимъ мѣтописямъ* (изд. Brosset, стр. 27—28 = *Чиницъ Чиницъ* стр. 21), это — Азонъ, сынъ Тарета изъ Македоніи, родственникъ Александра, который и назначилъ его патрикомъ Грузіи: вопреки завѣту Александра поклоняться свѣтлѣамъ и невидимому Богу, Азонъ сдѣлалъ двухъ идоловъ изъ серебра — Gati (искаж. Гаѣи) и Gaim — и обратился въ идолопоклонника. Автору *Обращенія Грузіи* такія данныя, естественно, показались не совсѣмъ подтверждающими грузинское происхождение названныхъ боговъ, и онъ націонализовалъ ставленника македонскаго царя; по

1) Искраженная форма также имѣется въ этой рп., но она занимаетъ мѣсто названія Га. Попытки отождествить это названіе языческаго бога съ грузинскимъ словомъ კაი *каѣи человекъ* (Waldor, *Life of St. Nino*, стр. 6 сл.) основана на случайномъ совпаденіи съ послѣднимъ ошибочной формы (Gaѣи) названія бога. Въ одномъ грузинскомъ памятникѣ, именно въ *Маломъ номоканонѣ*, см. ниже, стр. 24, Гаѣи успѣлъ обратиться въ Каѣи (კაი), очевидно, ввиду предполагавшейся уже тогда самими грузинами связи этого названія съ грузинскимъ словомъ, означающимъ *человѣка*.

этому памятнику, дошедшему до насъ въ рукописи X вѣка, въ той самой, гдѣ находимъ древнѣйшій списокъ *Житія св. Нины*, Азо — первый царь въ Мцхетѣ и въ то же время сынъ Арана, царя Грузіи. Этотъ Азо сопровождалъ Александра, который и назначилъ ему въ резиденцію Мцхету¹⁾, и здѣсь «у него были богами Gađi [resp. Gati] и Gaim». Впослѣдствіи свѣдѣнія объ этихъ мнимо-грузинскихъ божествахъ проникли и въ другіе памятники, такъ въ грузинскомъ текстѣ *Малаго номоканона* по рп. Церковнаго музея № 96, стр. 121, въ числѣ идоловъ, подлежащихъ уничтоженію, названы и мѣстные ღებო, ჰაგო (sic), ჰა, ჰუმბ ზა ზებაჲ *Bođi, Kađi* (sic), *Ga, Geon u Artmaz* (М. Джанашвили, Иверія 1898, № 42, стр. 3).

V.

Изложенные мною факты и соображенія обличаютъ схоластически-книжные приемы въ нашихъ памятникахъ и свидѣтельствуютъ о знакомствѣ автора основного источника съ сирійскимъ языкомъ. Потому-то и я рѣшился изложить объясненіе названія третьяго бога, такъ какъ литературныя связи Грузіи съ Сиріею составляютъ въ этотъ разъ особенно существенную основу для построенія.

Впрочемъ въ данномъ случаѣ дѣло не касается грузинскаго, даже мнимо-грузинскаго бога.

Насмотрѣвшись языческой мерзости на горѣ Армазъ, св. Ниша проситъ Бога явить гнѣвъ на «князей мрака, невидимыхъ духовъ». Подымается вѣтеръ и слышны ужасающіе раскаты грома. Показалось стремительное облако и дуновеніемъ съ запада развѣяло запахъ мерзости; люди спасались въ деревни и города. Стремглавъ налетѣло облако, крупный градъ раздробилъ идоловъ и обратилъ ихъ въ порошокъ; вѣтеръ разрушилъ ограду и смелъ все въ пропасть (*Житіе св. Нины*, изд. Так., стр. 23—24).

Это посрамленіе старыхъ боговъ обычный эпизодъ во многихъ обращеніяхъ²⁾. Подробности тутъ не важны. Сущность въ томъ, что «какъ только былъ водруженъ крестъ въ Грузіи», читаемъ въ томъ же *Житіи св. Нины*, «тотчасъ всѣ идолы въ предѣлахъ ея пали и разбились вдребезги, и капища разрушились». Такое торжество христіанства, иногда съ тождественными подробностями, — обычная тема христіанскихъ проповѣдниковъ и внѣ Грузіи.

1) Надо полагать область, такъ какъ по *Обращенію же Грузіи* (стр. 8), городъ Мцхету начинаетъ строить Братманъ и доканчиваетъ преемникъ его Мирванъ [II].

2) Падевіе ницъ идоловъ имѣемъ и въ *Повѣсти Афродитіана Перса* при гласѣ неизвѣстнаго, возвѣщающемъ о рожденіи младенца, или *Сообщеніи о религіозномъ преніи въ Персіи* (Usener, *Das Weihnachtsfest*, стр. 36, см. тамъ же еще прим. 23).

Иаковъ Саругскій въ *Словъ о паденіи кумировъ* между прочимъ говоритъ: «явилъ Себя Крестъ на Голгоѣ, и затрепетали боги, затряслись и сверзлись богини. Кумиры земля увидѣли Его и пали отъ трепета. Жрецы отъ страха бѣжали прятаться въ убѣжищахъ» (ZDMG, XXIX, стр. 113). Діаволь пріобадриваетъ своихъ служителей, но въ это время «великій Спаситель мощно возвысилъ голосъ, сильно крикнулъ громкимъ голосомъ, и твореніе сотряслось; завопили духи при страшномъ трепетѣ, ужаснувшимъ ихъ. Сотряслась земля съ основанія подъ богами; сотряслись боги и пали они, осрамленные. Поколебались ихъ идолы, пали, сбитые, ихъ столбы. Жрецы были пристыжены, и удивленіе охватило поклонниковъ... Прекратились жертвы, и люди бѣжали всѣ отъ нихъ... Отъ Креста подуло точно бурей на боговъ и свалило ихъ въ кучи, точно холмы; столкнулись другъ съ другомъ каменные и глиняные кумиры, образовали кучу (обломковъ), достойную смѣха и позорнаго имени» (*и. с.*, стр. 114—115).

Обогативъ свое произведеніе подобнымъ же назидательнымъ эпизодомъ, авторъ *Житія св. Нины* продолжаетъ—«На слѣдующій день вышли царь Миріанъ и весь народъ искать боговъ, но не нашли; поэтому они поверглись въ страхъ и смятеніе, и охватило ихъ удивленіе. Большинство народа, жестокое и непоколебимое, говорило: «халдейскій богъ Іѳруданъ и нашъ богъ Армазъ враги другъ друга во всѣхъ отношеніяхъ, ибо Армазъ нѣкогда направилъ море на него, и вотъ теперь этотъ (Іѳруданъ) отмстилъ и подвергъ его (Armaz'a) сему (бѣдствію)».

Brosset (*Hist. de la G.*, стр. 102, прим. 2) въ Іѳрудан'ѣ склоненъ былъ видѣть Ксисутра. Ту же догадку повторяетъ теперь и Сопубеаге (Wardrop, *Life of St. Nino*, стр. 74,1). Одна подробность, именно упоминаніе объ угрожавшей Іѳрудан'у гибели отъ воды, посланной Армазомъ, дѣйствительно, напоминаетъ потопъ двойника Ноя — Ксисутра или Ксисуѳера. Но допустивъ даже, что общность этой подробности грузинскаго разсказа объ Іѳрудан'ѣ и Берозова повѣствованія о Ксисутрѣ не случайная, трудно себѣ представить, какимъ образомъ само имя «Ксисуѳеръ» могло обратиться въ «Іѳруданъ»? Да къ тому же, Ксисуѳеръ — не богъ, въ грузинскомъ же разсказѣ рѣчь о богѣ, халдейскомъ богѣ.

«Халдеи» въ устахъ грузинскаго писателя VIII—IX вѣка, понятно, не означаетъ того, что мы понимаемъ подъ этимъ терминомъ, а является синонимомъ арамейцевъ и вообще семитовъ язычниковъ. Авторъ *Житія св. Нины*, помѣстившій въ грузинскомъ пантеонѣ семитическихъ боговъ рядомъ съ Армазомъ, явно заставляетъ грузинъ-язычниковъ разрѣшить свое недоумѣніе на почвѣ знакомства съ этимъ обстоятельствомъ: если семитическіе боги возсѣдаютъ вмѣстѣ съ Армазомъ въ Грузіи около

Мцхеты, то они тутъ же могутъ и сводить воображаемые старые счеты. Въ загадочномъ Igrudani мы такимъ образомъ можемъ имѣть третье семитическое названіе бога, и это, по всей вѣроятности, такъ и есть.

Прежде всего вспомнимъ названіе $\eta\eta\eta\eta$ (сир. ܝܕܢܝܕ , отсюда у Хоренскаго, I, 27: ܝܕܢܝܕܝܗ). Названіе это извѣстно по финикійскимъ и пальмирскимъ надписямъ, и въ первой своей части, именно $\eta\eta$, оно представляетъ, какъ уже давно указывалось (Fresnel, *Remarques*, JA, 1845, стр. 199—201, 219, 226—229, гдѣ попытка толкованія слова на арабской почвѣ, и затѣмъ Nöldeke, ZDMG, XXIV, стр. 92, ср. Schlottmann, XXIV, стр. 667), форму мужского рода имени, извѣстнаго болѣе въ еврейской женской формѣ $\eta\eta\eta$. Кроме того, эта первая часть $\eta\eta$ кабар встрѣчается самостоятельно и въ химьяритскихъ надписяхъ, гдѣ она звучитъ ܟܘܒܪܐ kaḫḫar (D. H. Müller, *Burgen und Schlösser*, II, 1033). Вспомнимъ, наконецъ, что общепринятая вокализация этого слова $\eta\eta$, resp. ܟܘܒܪܐ , согласована съ греческою передачею Ἀταργάτις , Ἀταργάτη , собственно Ἀτταργάδη , съ двумя t, какъ также попадаетъ въ греческой транскрипціи (Nöldeke, ZDMG, XXIV, стр. 109).

Отсюда легко бы допустить, что грузинъ, не справлявшійся, конечно, съ греческою транскрипціею, могъ прочесть его ($\eta\eta$) въ доступномъ ему семитическомъ текстѣ съ любою вокализациею, между прочимъ въ видѣ ܝܕܢܝ ¹⁾. Но этого было бы мало. Вокализация ܝܕܢܝ не такъ фантастична, какъ она можетъ показаться съ перваго раза.

Въ Библии это названіе встрѣчается нѣсколько разъ въ родственной формѣ Астарты, и по традиціонной вокализации сирійцевъ, и несторіанской, и іаковитской, въ текстѣ *Псалтты* оно гласитъ ܝܕܢܝܐ (ܝܕܢܝܐ), что въ st. absolutus даетъ ܝܕܢܝ (ܝܕܢܝ) ²⁾. Тождество этой вокализации съ вокализациею грузинскаго ܝܕܢܝ , очевидное, если, къ тому, принять во вниманіе, что съ одной стороны въ сирійскомъ ܟܘܒܪܐ , первый гласный звукъ даннаго слова, при несторіанскомъ диакритическомъ знакѣ можно произнести и какъ ܝ , и тогда слово будетъ звучать ܝܕܢܝ , съ другой стороны въ грузинскомъ инициальномъ церковномъ письмѣ ܝ (ܝ) и ܟ (ܟ) весьма легко смѣшиваются, и чтеніе ܝܕܢܝܐ можетъ быть искаженіемъ ܟܘܒܪܐܝܐ .

1) Знакомъ ܟ передаю позднѣйшее произношеніе ܕ , совпавшаго съ ܝ : вліяніе этого вульгарнаго произношенія сказалось и въ орфографіи интересующаго насъ слова на сирійскомъ, см. слѣдующее прим.

2) Въ *Исторіи образа Христа* (Budge, *The History of the Blessed Virgin Mary and the History of the Likeness of Christ*, Luzac's Sem. text and transl. Series, т. IV, стр. 200, 20) слово гласитъ ܝܕܢܝܐ .

Обратимся теперь къ согласнымъ. Коренной составъ сирійскаго чтенія ܝܘܗܘܐ въ Библии указываетъ на вліяніе греческаго языка, передающаго евр. יְהוָה черезъ σ . Въ *Писиттъ* Ветхаго Завѣта подобное греческое вліяніе имѣемъ основаніе считать позднѣйшимъ «исправленіемъ». Работая надъ еврейскимъ подлинникомъ, первые переводчики Библии на сирійскій языкъ или сохранили бы еврейскіе звуки и тогда дали бы при указанной вокализациі чтеніе ܝܘܗܘܐ , пли замѣнили бы еврейское יְ арамейскимъ ܝ , что именно и наблюдается въ частности въ арамейскихъ формахъ занимающаго насъ имени, и тогда они дали бы чтеніе ܝܘܗܐ , слѣдовательно, въ *st. absolutus* eđgu (ܝܘܗܐ), что и имѣемъ въ грузинскомъ eđgu , первой части названія eđgudani .

Такимъ образомъ iđgudani , *resp.* eđgudani оказывается сложнымъ словомъ. Первая часть — eđgu — и есть собственно названіе божества¹⁾. Слѣдовательно, вторая часть — dani —, по всей вѣроятности, представляетъ нарицательное имя въ родѣ какъ *богъ, кумиръ* или *идолъ*²⁾.

Здѣсь-то и встрѣчаемся съ нѣкоторымъ осложненіемъ. Дѣло въ томъ, что разъ первая часть названія объяснена въ связи съ сирійскимъ преданіемъ, то вторая часть также должна восходить къ тому же источнику. Между тѣмъ въ словѣ dani слышенъ звукъ d , отсутствующій въ древне-сирійскомъ. Въ древне-сирійскомъ имѣется въ соотвѣтствіе d гортанное g (ܓ): это g мы имѣемъ безъ измѣненія и въ грузинской транскрипціи бога Ga или Gaim . Однако богъ Ga встрѣчается уже въ грузинской Библии, слѣдовательно, въ грузинскую письменность это слово прошло задолго до появленія *Житія св. Нины*, авторъ котораго при транскрипціи лично имѣ вносимаго сирійскаго слова могъ руководствоваться другими нормами.

И, дѣйствительно, мы уже замѣтили, что даже въ транскрипціи заведомо классическихъ сирійскихъ выраженій авторъ нашего *Житія* проявляетъ вулгарное произношеніе. Съ другой стороны, въ ново-сирійскихъ

1) Если бы дѣло шло объ eđgu , *resp.* iđgu , лишь какъ о собственномъ имени, а не названіи божества, то прототипъ его легко можно было бы указать въ Библии, въ этомъ основномъ источникѣ книжнаго просвѣщенія у древнихъ грузинъ: имя тестя Моисея Іовора (*Исх.* 3, 1, 4, 18 et pass.) въ семитической транскрипціи יגל (сир. ܝܘܗܐ) грузинами было бы прочтано iđgu , *resp.* iđgud (*ܝܘܗܐ, ܝܘܗܐܘܐ*). Въ вулгарныхъ грузинскомъ и армянскомъ текстахъ Библии теперь это имя звучитъ *юдог, уодог* (*ܝܘܗܐ, ܝܘܗܐܘܐ*), но это объясняется обычнымъ вытѣсненіемъ въ нихъ древнихъ чтеній сирійскаго происхожденія эквивалентами греческаго перевода LXX, въ данномъ случаѣ формою Ἰωδός . Съ этимъ именемъ *Stegmont-Galpeau* сближаетъ набатейское также мужское имя Ouidros ; одной греческой надписи (*Recueil d'archéologie orientale*, т. II, § 53).

2) Получающаеся въ общемъ сочетаніе ܝܘܗܐ , *resp.* ܝܘܗܐܘܐ имѣетъ свою аналогію въ ܝܘܗܐܘܐܘܐ (Іаковъ Саругскій).

діалектахъ произношеніе g (𐌆𐌔), какъ d (𐌆𐌔), также извѣстно¹⁾. Грузинъ, пожалуй, придавалъ чрезмѣрное распространеніе этому вульгарному произношенію, быть можетъ и подѣ влияніемъ арабскаго, въ которомъ каждое g (𐌆𐌔) произносится какъ d (𐌆𐌔). Нашъ грузинъ — писатель того времени, когда влияние арабовъ особенно сильно стало сказываться въ грузинской жизни. Во всякомъ случаѣ наличность такого произношенія g у автора *Житія* едва-ли можетъ быть оспорена. Именно слово *франкъ*, названіе народности, обыкновенно въ грузинскомъ звучитъ *ḡrangī* (𐌆𐌔𐌆𐌔𐌆𐌔𐌆𐌔), но въ *Житіи св. Нины* (изд. Такайшвили, стр. 4, 5, 7) читаемъ *ḡrangī* (𐌆𐌔𐌆𐌔𐌆𐌔) въ соответствіе арабскому *فرنج*.

Разъ такимъ образомъ выяснена возможность, чтобы въ словѣ *ḡanī*, второй части названія *ḡrudanī*, мы имѣли передачу *ganī*, то значеніе послѣдняго легко установить на сирійской почвѣ. Въ немъ, по всей видимости, предлежитъ сирійское слово, означающее между прочимъ *идолъ*, которое на сирійскомъ является *plurale tantum* съ женскимъ окончаніемъ и звучитъ *ḡenīāḡā* (𐌆𐌔𐌆𐌔𐌆𐌔²⁾). Особенно любопытно то, что это слово употребляется специально въ значеніи идоловъ Астарты, слѣдовательно, нашего божества *Еѡги*, и въ *Псалтѣ* четыре раза (*Суд.* 10, 6; *1 Сам.* 7, 3; 7, 4; 12, 10; 31, 10) однимъ этимъ словомъ передается *לִּילִי־אֲשֶׁר־עַל־אֲסַרְתִּי* Астарты еврейскаго подлинника.

Такимъ образомъ настоящая работа сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Грузинскій пантеонъ, какъ онъ описанъ въ *Грузинскихъ мѣстописанъ* и въ ихъ источникѣ *Житіи св. Нины*, вмѣщаетъ въ себѣ арійскихъ и семитическихъ боговъ, но ни одного мѣстнаго грузинскаго.

2) Главную группу арійскихъ составляютъ иранскіе боги. Въ свѣдѣніяхъ о нихъ мы, дѣйствительно, имѣемъ отзвуки мѣстныхъ преданій, связанныхъ съ господствомъ въ Грузіи маздеизма, но отзвуки эти весьма слабы.

---

1) Въ болѣе позднее время такое произношеніе вносилось самими сирійцами не только въ чтеніе, но и въ текстъ памятниковъ, писанныхъ на древне-сирійскомъ, такъ напр. въ *Исторіи* патріарха Михаила (изд. Chabot, 9, 16) названіе грузинъ читается *𐌆𐌔𐌆𐌔*.

2) Отсутствіе Δ въ грузинской передачѣ этого слова также можетъ быть сирійскаго діалектическаго происхожденія. Сирійское нарѣчіе Хусрава рядомъ съ «Quetschung» звука g допускаетъ и отпаденіе Δ (Guidi, *Beiträge zur Kenntniss des neu-aram. Fellihi-Dialektes*, ZDMG, XXXVII, стр. 297): слѣдовательно, слово *𐌆𐌔𐌆𐌔* вполне закономѣрно должно было звучать *ḡanī = 𐌆𐌔𐌆𐌔*.

3) Изъ семитическихъ боговъ двое: Gati, въ искаженіи Gađi, и Ga представляютъ, очевидно, божества, извѣстныя у сѣверныхъ семитовъ, причѣмъ у грузинъ появились названія ихъ путемъ книжнаго заимствованія.

4) «Халдейскій богъ» Iṣruđani, по всей вѣроятности, также заимствованъ изъ семитическаго книжнаго источника, повидимому, изъ сирійскаго, быть можетъ, съ арабскимъ, но, вѣроятноже, съ вульгарно-сирійскимъ произношеніемъ g (𐤒), какъ d (𐤃).

Н. Марръ.